

ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО И ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КАК СТРУКТУРА

Анализируется связь понятия «структура» с концептами «длительность», «пространство», «время». Сущность процесса конкретизируется с помощью понятий активного и пассивного синтеза. Решение проблемы соотношения длительности, пространства и времени полезно тем, что дает возможность ввести единую методологическую базу для реконструкции смысловых моделей различных порядков.

Ключевые слова: время; пространство; длительность; структура.

A.A. ATANOV
Doctor of Philosophy, Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: phil@isea.ru

TIME, SPACE AND DURATION AS A STRUCTURE

The article analyzes the connection of the concept «structure» with the concepts of «duration», «space» and «time». The essence of the process is specified through the concepts of active and passive synthesis. Solving the problem of the correlation of duration, space and time is useful as it gives an opportunity to introduce a universal methodical framework to reconstruct conceptual models of different kinds.

Keywords: time; space; duration; structure.

Когда мы начинаем говорить о процессах или событиях, возникает необходимость включения этих процессов в структуру человеческого опыта. Реальность очень часто весьма далека от представлений человека о ней. Опыт, который переживается как реальность, часто искажает ее. Возникает парадокс, смысл события совершенно очевиден, но при этом ускользает от самого опыта, так как опыт включает в себя основания прошлого и пришедшие из прошлого, удерживающие в опыте прошлый опыт, но непосредственно, а в форме убеждений. Время, взятое вне контекста опыта, будет указывать на само событие, а не на убеждение, возникшее в опосредованном опыте. Синтез времени утверждает настоящее во времени. Всякая ассоциативность выражает собой неподражаемую точность, стремление удержать эту точность и заставляет обратиться к синтезу времени. Можно воспользоваться теорией Д. Юма из книги «Трактат о человеческой природе» [4], когда сталкиваемся с проблемой:

часы бьют четыре... Каждый удар является логически независимым от другого удара. Но мы сжимаем их в качественное внутреннее впечатление вне всякого воспоминания в живом настоящем, в пассивном синтезе, в качестве которого является длительность. Затем мы восстанавливаем их в сопредельном пространстве, производном времени, где можно воспроизвести, отразить, считать их в качестве внешних впечатлений, поддающихся подсчету. Длительность в данном случае выступает в качестве условия получения сопряженности процессов, происходящих в объективном мире. При этом необходимо учитывать, что для человека вне его живого настоящего не может происходить ни один процесс. Ассоциация и позволяет завести нас в опыт длительности, когда и снимается тотальность убеждения, возникает возможность проскальзывания в реальность и возможность взглянуть на себя как такового. Картина, возникающая при этом, достаточно тошнотворна. Тошнит не от реальности, а от

самого себя, от собственной реальности, от иллюзий собственной значимости и изломанности собственной жизни, связанной с прошлым. Если мы оказываемся в настоящем, в синтезе времени мы получаем доступ к реальности, процессам и событиям. В области длительности возникает связь процессов с их становящейся данностью, в том числе связь, сопряженная с освобождением от тотальности. Если мы представим любой процесс в виде пространственной схемы, то получим лишь контуры данности, а не саму данность. Возникает структурная перспектива, но связанная с перспективой вопрошающая тотальность требует ответа, что возможно только либо через отдачу себя тотальности, через потерю себя, или через гибель себя. Происходит возникновение пространственной реальности, настоящего времени, освобожденное от тотальности или включенное в тотальность как отдача ей, превращает в настоящее и пространство.

Другим способом освобождения от тотальности, с обретением себя, является придание тотальности геометрических форм данности, в начертании тотальности как некоторого контура. Делакруа великолепно отметил, что существуют линии — чудовища... Одна единственная линия никогда не обладает значением; необходима вторая, чтобы придать ей выразительность. Вот великий закон. Чтобы удержать мир, мы должны проводить множество линий, и только целое контура способно удержать и нас, и смысл в мире. Но достается нам это весьма дорого, вместо произведения мы видим контур, вместо того чтобы быть авторами действительности, мы становимся критиками. В методологическом плане использование перспективной схемы даст нам категорию структуры, но разрушит живую действительность процесса, мы окажемся в мертвом городе, населенном призраками, как совершенно справедливо заметил Деррида [3, с. 12]. Длительность дает нам живое настоящего и позволяет рассматривать не статику «ставшего», а динамику изменяющегося. Длительность по своей природе связана с хаотическим становлением процессов, а не с их онтологической положенностью и с завершенностью процессов в ставшем смысле, или, более точно, в теле смысла. Изначально возникает хаос, и в хаосе собственного бытия, как великое сча-

стье, мы можем обрести структуру, причем как открывающую перспективу поворота на себя. Ж. Делез замечает: «Когда появляется А, мы ждем В с силой, соответствующей качественному впечатлению от всех АВ, уже подвергшихся сжатию. Это совсем не память и не операция понимания: сжатие не рефлексия. Собственно говоря, оно образует синтез времени» [2, с. 95–96]. У Деррида есть великолепное наблюдение, что форма соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой [3, с. 11]. Сила сжатия, выведенная изнутри наружу, и образует синтез времени, который дает основание для длительности. Длительность, связывающая внутреннее с внешним в отношении синтеза времени, дает нам единство протекающего процесса, а не прерывистость и поступательность, которые находят свое выражение через процесс. Мы наблюдаем свободное течение процесса, не связанное со структурными ограничениями.

Структура как событие представляет собой некий разрыв и удвоение. Для личного опыта это означает формирование позиции внутреннего наблюдателя, в психоанализе — это наблюдающее «эго». Когда оформлены эти центры, человек может адекватно взглянуть на себя и на реальность. Как ни странно именно наличие разрыва и создает целостность. Понятие «структура» и даже слово «структура» являются сверстниками западной эпистемы. Структура была именно тем понятием, которое позволило устанавливать связь и общность вне рамок онтологических оснований. Связь, форма, смысл и направление присущи структуре, образуя ее «тело», которое выступает как некая общность данности. Нам нужно определить, что является центром структуры, чтобы у нас была возможность организовать структуру вокруг соответствующей эпистемы и наоборот. В качестве основания этого используется метод центрирующего присутствия.

Структура всегда обладает точкой присутствия, которая связывает структуру с устойчивым началом. Центр устойчивости собирает структуру вокруг себя, ориентирует, уравнивает и организует ее, но, как замечает Деррида, сам принцип организации полагает предел тому, что можно было бы назвать ее игрой. Центр структуры допускает только игру элементов внутри

целостной формы. Однако центр закрывает игру, которую сам же открывает и делает возможной. Центр как таковой является той точкой, где более невозможна подмена содержаний, элементов и терминов. В центре наложен запрет на взаимозамещение или превращение элементов (которые, впрочем, сами могут быть структурами, включенными в другую структуру). Такое превращение всегда остается под запретом. Центр есть начало статики, фиксирующее, но при этом дающее свободу и динамику, ограничивающее их пределом, который и является центром. Центр в структуре образует то, что, управляя структурой, ускользает от структурности. Центр структуры находится как «в» структуре, так и «вне» структуры. Он является центром некоторой целостности, и в то же время эта целостность — поскольку центр ей не принадлежит — имеет свой центр в другом месте. Центр — это не центр. Понятие центрированной структуры — хотя оно и представляет связанность как таковую и условие эпистемологии как философии или как науки, — является противоречиво связанным. Структура играет роль связующего начала, выстраивающего некоторую последовательность и связанность, которые выражены в двух основных проявлениях: структуры как структуры и структуры как способа организации знания и познания, но связь эта противоречиво выражена, возникает начало статичной динамики.

Связанность оказывается определенной только в силе, в стремлении проявить себя, выразить себя. Сила сосредоточенности, возникающая в структуре, оказывается живой, «волящейся», стремящейся выразить себя через иное и в ином, разделяющей и соединяющей себя через иное, в своем отрицании утверждающей самое себя. Разделение здесь не внешнее, оно выступает как внутреннее самоограничение, как некий волевой акт, связанный в том числе с центром структуры. Ограниченная подвижность, но ограниченная из себя и в себе, постольку, поскольку центр структурности связан с самой структурой, являясь одновременно внешним и внутренним, создает новую связанность элементов. И, как всегда, эта связанность в противоречии выражает силу некоторого желания. Понятие центрированной структуры — это понятие обоснованной

игры, построенной на некоей основополагающей неподвижности и успокоительной достоверности, которая сама по себе выведена из игры. Здесь возникает ряд аналогий, игра всегда какая-то или игра во что-то, любая игра подразумевает свод правил и наличие судьи, или сами игроки следят за правилами, исполняя роль судьи. Если мы не следуем правилам, игры просто не будет, так же как и не будет удовольствия от игры, которое получается при включенности в определенность действий. Именно достоверность и действенность определенности, связанные с центром, и позволяют совладать со страхом, постоянно рождающимся из ощущения, что мы вовлечены в игру, захвачены игрой, с самого начала находимся в игре. То, что называется центром, находится одновременно как внутри, так и снаружи, безразлично принимая имена начала и конца, архаики или телоса, можно сказать, что различные повторы, замещения и превращения всегда включены в некоторую историю смысла — в историю, начало которой всегда может пробудить, а конец — предвосхитить, причем именно в форме присутствия. Центр дает возможность выделить смысл, наблюдать историю смысла да и саму историю.

Центр неподвижен и подвижен одновременно, так как центр дает возможность для перехода, следовательно, центр дает возможность для изменения и становления, а значит, центр всякий раз оказывается связанным с новым переходом. Переход может происходить только в области значений, имен и превращений, повторов и замещений, связанных со структурой, в которой центр выделен, поэтому центр структуры и создает ситуацию присутствия, делая действительным изменение, оставаясь при этом точкой стабильности, точкой, собирающей и делающей действительными изменения. Вот почему можно, по всей видимости, сказать, что движение всякой археологии (в значении Фуко и Деррида), так же как и эсхатологии, участвует в редукции структурности структуры и пытается помыслить последнюю, исходя из полного и вынесенного за пределы игры присутствия.

Но если дело обстоит так, то всю историю понятия «структура» до разрыва, о котором мы говорим, следует мыслить как серию замещений одного центра другим, как цепочку

различных определений центра. Последовательно и упорядоченно центр принимает различные формы и получает различные имена. В таком случае история метафизики, как и история самого Запада, оказываются историей подобных метафор и метонимий. Определение бытия становится присутствием во всех смыслах этого слова. Причем бытие само оказывается связанным с существованием присутствия как возможности вхождения в бытие. Присутствие определяет смысл и действительность текучего мира, мира меняющихся имен, значений, элементов. Событие разрыва — раскол — произошло, вероятно, в тот самый момент, когда пришлось помыслить, т.е. повторить саму структурность структуры; вот почему сказано, что раскол и есть повтор — во всех смыслах этого слова. Одновременно следовало бы помыслить такой закон, который как бы управляет центром в его желании конструировать структуру, но при этом управляет и тем процессом означивания, который подчиняет смещения и замещения закону центрирующего присутствия, причем такого, которое никогда не было самим собой, будучи всегда уже выведенным из себя в своем замещении. Заместитель не замещает ничего такого, что бы по отношению к нему в каком-то смысле было пред-существующим.

Мы можем прийти к выводу, что центра нет, что его нельзя помыслить в форме присутствующего сущего, что у него нет естественного места, что он представляет собой не закрепленное место, а функцию, своего рода не-место, где происходит бесконечная игра знаковых замещений. Отрицание определенности места дает нам возможность понять текучесть мира и войти в текучесть мира, сама сила желания воплощения значения, имени, элемента, изменения оказывается неструктурной структурой мира, не-место и создает присутствие. Лишь полагая ответственность в себе, мы можем ускользнуть из бесконечности, получая взамен внутреннюю определенность. Возможность выбора и диктует правила игры. Роль (игра) деятеля, связанного с ответственностью, позволяет победить дурную бесконечность. Уважение к другим должно стать возможностью принятия себя, для того чтобы могли увидеть другого деятеля. Предвидение собственного конца и исторической ограниченности воз-

можностей вводит в область значения то, что по природе своей не связано со временем, это не вневременность значений, а вневременность абсолютного присутствия. Мы получаем живую действительность как обладающую волей и создающую правила из себя, живую действительность дискурса, которая творит столь же живой и волевой мир или сотворена этим миром для различения единого поля присутствия. Из этого следует, что последовательность мгновений не образует времени, а заставляет его распасться. Последовательность мгновений лишь отмечает вечный срыв точки рождения времени. Наблюдается абсолютная идентичность с центром структуры, который не занимает определенного места, изменяясь, будучи стабильным, вместе с изменениями структуры. Последовательность мгновений оказывается в том же положении. Время образуется только в первоначальном синтезе, относящемся к повторению мгновений. Вполне очевидно, это тот же раскол, который характерен для структуры и который возникает, когда приходится помыслить, повторить структурность структуры. Поэтому раскол и есть повтор во всех смыслах этого слова. Время ведет себя как структурность структуры. Общность присутствия будет возникать не в последовательности мгновений, а в синтезе. Синтез времени вдавливая независимые последовательные мгновения друг в друга. Гуссерль считает, что в первичном потоке нет никакой длительности: «Ибо длительность есть форма длящегося Нечто, некоторого длящегося бытия, некоторого идентичного во временном ряду, который функционирует как его длительность» [1, с. 130]. «Объективное время есть форма "устойчивых" предметов, их изменений и прочих процессов в них. "Процесс" есть, таким образом, понятие, которое предполагает устойчивость. Устойчивость есть, однако, единство, которое конструируется в потоке, к сущности которого принадлежит то, что в нем не может быть ничего устойчивого» [Там же]. Гуссерль предвосхищает категорию присутствия. По отношению к предметному миру мы не можем говорить ни о какой устойчивости, но все же эта устойчивость в определенные фазы оказывается проявленной. Поэтому когда происходит онтологическое конструирование, возникают активность и пассивность.

Длительность, как мы уже отметили, является пассивным синтезом. Объективное время «устойчивого предмета» и есть активный синтез, связанный как со временем, так и с предметом. Любая активность не отличается постоянством и всякий раз дает нам изменчивость и отсутствие устойчивости — становление, а не присутствие, тогда как устойчивость оказывается характеристикой длительности, одного, а не иного.

Длительности принадлежат и прошедшее, и будущее. Прошлое в той мере, в которой предшествующие мгновения удержаны сжатием, будущее, поскольку оно является ожиданием — это предвосхищение сжатия. Как видим, длительность не только время, но и действие сжатия или собирания вокруг себя, успокоенность процесса в обретении устойчивости. Прошлое и будущее в такой связи с длительностью обозначают не мгновения, отличные от того мгновения, которое предполагается как настоящее; они означают протяженность настоящего как сжимающего мгновения. Длительность идет от прошлого к будущему, от единичного к общему, от единичностей и частных, которые длительность схватывает в сжатии, к общему, которое развивает в поле своего ожидания. Всякое различие возможно только исходя из общего. Синтез такого рода создается в сознании, которое созерцает, предваряя всякую память и рефлексю, без этого основания невозможны ни память, т.е. включение и фиксация объектов, ни рефлексия, которая есть работа над собой и над содержанием

собственного сознания. Очевидно, что длительность приводит к возможности фиксации и удержанию объекта настолько, насколько он связан с субъектом, в зависимости от возникновения возможности связи того и другого. Возможность этой связи заключается не в объекте и субъекте, а в длительности, преодолевающей последовательность мгновений как пассивный синтез, который и служит основанием возможного единства и перехода от частного к общему. Слитность вдавненных мгновений и есть поле единства, которое мы можем установить через повторение. Рассматривая повторение в объекте, мы остаемся в стороне от условий, которые делают повторение возможным. Рассматривая изменения в субъекте, мы оказываемся перед общей формой различия. Различие оказывается между ними в том сжатии, которое и выражает себя как длительность. Каждое сжатие, каждый пассивный синтез тесно связан с его противоположностью — активным синтезом. Стык пассивного и активного дает нам область значения, так как указывает на сопредельность разнонаправленных сил. Дискурс дает нам увидеть присутствие структурной структуры. Присутствие закладывается длительностью, тогда как конкретная форма присутствия описывается через активность данности присутствия, что и вызывает проявление тотальной силы активного синтеза. Происходит заполнение сознания конкретными формами памяти и рефлексии, а следовательно, появляется возможность выделить факты.

Список использованной литературы

1. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
3. Деррида Ж. Сила и значение // Письмо и различие. М., 2000. С. 9–53.
4. Юм Д. Трактат о человеческой природе: в 2 кн. М., 1995.

Referenses

1. Gusserl' E. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. M., 1994.
2. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb., 1998.
3. Derrida Zh. Sila i znachenie // Pis'mo i razlichie. M., 2000. S. 9–53.
4. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode: v 2 kn. M., 1995.